

Художественные параметры общественно-политического и религиозно-нравственного предвидения в легенде «Разрушение ада и восстановление его» Л. Н. Толстого

И. Ю. Тищенко

Киевский национальный лингвистический университет, Киев, Украина

Paper received 15.08.17. Accepted for publication 20.08.17.

Аннотация. В статье исследуется спектр художественных средств, способствовавших реализации прогностической функции литературы в легенде Л.Н.Толстого «Разрушение ада и восстановление его». Выявлены эстетически обусловленные особенности жанра, композиции, стиля, системы образов, нарратива. Особое место в структуре текста занимают образы «детей Везельвула», ярко индивидуализированные через емкие предметные детали. Благодаря применению рецептивной поэтики выявлено, какие именно мировоззренческие и политические угрозы наиболее точно предсказал писатель, что позволяет констатировать актуальность этого малоизученного произведения и его своеобразие, выявленное на всех уровнях текста в экономном, но при этом эмоционально насыщенном использовании приемов и средств художественного письма.

Ключевые слова: предвидение, нарратив, легенда, антитеза, система образов, фантастическое, конфликт.

Введение. Изучая малоизвестные страницы наследия Л.Н.Толстого, анализируя его художественный мир, мы соприкасаемся с его гениальной личностью, которая поражает своим масштабом, мощью разума, искренностью, глубиной, впечатляющей аналитикой человеческого характера и социума. Применительно к реалиям современности более чем актуальны его слова: «Мы разогнались к пропасти и не можем остановиться, и летим в неё. Не говоря уже об экономических, неразрешимых и всё усложняющихся и усложняющихся опасностях, взаимные отношения вооружающихся друг против друга держав, всякую минуту готовые разразиться и разражающиеся войнами, ясно указывают на ту неизбежную гибель, к которой влечется всё так называемое цивилизованное человечество» [4, с.117]. По глубочайшему убеждению писателя, литература должна формировать у читателя способность различения добра и зла и, как следствие, приверженность к добру в течение всей жизни. Будучи не только писателем, мыслителем, но и проповедником своих идей, Л. Н. Толстой был наделен ещё и исключительно сильным общественным темпераментом, который ярко проявился в его публицистике. Предвидение общественно-политических и религиозно-нравственных катаклизмов не были изначально характерологической особенностью творчества Толстого, но элементы реализации прогностической функции литературы проявляются в наследии позднего периода жизни именно в связи с трансформациями в мировоззрении писателя. Художественное начало в этих текстах воплощает философичность и публицистичность, что является актуальной проблемой в частности в свете рецептивной поэтики.

Краткий обзор публикаций по теме. Прогностическая функция художественной литературы рассматривается в научной традиции преимущественно применительно к фантастике и отражению в произведениях рисков и достижений научно-технического прогресса. Иногда подобные исследования посвящены и политологическим, социологическим, общественно-этическим проблемам. Своёобразно и глубоко рассматривал эти вопросы С. Лем (монографии и статьи) [2], эпизодически, но научно обоснованно – Б. Ланин, В.Филатов, В. Чаликова [1, 6, 7] преимущественно в трудах об особенностях антиутопии как жанра.

Но для художественно-философской литературы такой аспект проблемы не рассматривался вероятно ещё и потому, что в русской литературе и литературоведении сложился определенный канон исследования этих произведений. Прежде всего они воспринимаются через призму отражения в литературе мировоззренческих позиций автора. Именно так анализирует легенду «Разрушение ада и восстановление его» русский ученый А. Тарасов в своих исследованиях «Две правды Л.Н.Толстого» и «"Божеское" и "человеческое" в последних произведениях Льва Толстого» [3]. Таким образом, тема нашей статьи актуальна и малоисследована.

Целью нашего исследования является выявление в позднем творчестве Льва Толстого, а именно в легенде «Разрушение ада и восстановление его» функционирования художественных параметров общественно-политического и религиозно-нравственного предвидения.

Материалы и методы. Изучение художественных параметров в легенде Толстого осуществляется с использованием общенаучных (анализ, синтез) и филологических (функциональный, структурно-семиотический и рецептивная поэтика) методов.

Материалом для исследования стало произведение Л.Н.Толстого – легенда «Разрушение ада и восстановление его».

Результаты и их обсуждение. Читателю XXI века должны быть понятны и близки по духу и комплексу идей, и глубокий гуманистический пафос легенды Льва Николаевича Толстого «Разрушение ада и восстановление его», и трагический конфликт огромной силы и напряженности, предложенный читателю. Апокалиптика нашего времени действительно превосходит самые смелые прогнозы. Жестокая конкуренция в сфере политики и экономики, финансовых и технологических возможностей, организационных основ и технологических решений, смертельная схватка интеллектов и различных мировоззрений и, конечно же, кризис прежних институтов цивилизаций и столкновение их с началами зарождающейся иной культуры социума. Угрозами для человеческого сообщества стали диффузные и гибридные войны, системный терроризм, являющий собой особый мощный политический инструмент, многовекторная система управле-

ния, зачастую называемая управляемым хаосом. В той или иной мере все это предсказано в анализируемом произведении, художественные особенности которого сфокусированы на прогностике неминуемых для человечества бед при условии торжества диаволиады (читай: антигуманных и антигуманистических сил).

Прежде всего речь идет об особенностях нарратива. Перед нами, несмотря на трагическое развитие событий, вполне объективированное повествование – автор отступает в сторону, а своё понимание проблемы и ее оценку совершает как через выбор положительного героя легенды, так и через выбор конфликта и показ путей его разрешения, и через художественные детали, и через речевую стилистику персонажей. Только изредка писатель изменяет точку зрения, когда подает кульминационные события через точку зрения главного отрицательного героя: «Вельзевул понял, что всё для него пропало. И Вельзевул видел, как Христос в светлом сиянии остановился во вратах ада, видел, как грешники от Адама и до Иуды вышли из ада, видел, как разбежались все дьяволы, видел, как самые стены ада беззвучно распались на все четыре стороны» [5, с.390]. Конфликт добра и зла трагичен в своей сущности, что моделируется основной перипетией в легенде – неожиданное появление Иисуса Христа со своим учением, со своей истиной, со своей правдой о жизни. Вельзевул и «толпа дьяволов» [тут и далее: 5, с.391] встревожены этим событием, они осознали, что им пришел конец. Им противостоят люди – в легенде Льва Николаевича Толстого это собирательный образ человечества, словно автор сознательно избегает конкретизации.

Систему художественных образов также формирует конфликт, который начался с приходом Иисуса Христа, рассказавшем о своем учении, внося в расколотый мир идею воссоединения людей на основе истинной веры и любви: «Учение это было так ясно и следование ему было так легко и так очевидно избавляло людей от зла, что нельзя было не принять его, и ничто не могло удержать его распространения по всему свету» [5, с.394]. Проявилась трагическая коллизия, напряженная и сложная, которая создается не только столкновением с угрожающими внешними силами, но прежде всего внутренним противоречием между жизненными стремлениями личности и признаваемыми ею ценностями. Мир изменился в результате принятия учения Иисуса Христа: «...люди, жившие по этому учению, были совершенно счастливы и недоступны нам /дьяволам и Вельзевулу. – И.Т./ Они не сердились друг на друга, не предавались женской прелести и или не женились, или женившись, имели одну жену, не имели имущества, всё считали общим достоянием, не защищались силою от нападавших и платили добром за зло. И жизнь их была так хороша, что другие люди всё более и более привлекались к ним» [5, с. 392].

Однако добру противостоит достойный противник. Ведь Вельзевул сразу понял, что учение Иисуса Христа «...избавляло людей от зла» [5, с. 392], а это избавление означало гибель для него и его дьяволов, «...больших и маленьких, толстых и худых, и с длинными и короткими хвостами, и с острыми, прямыми и кривыми рогами» [5, с. 391], но одинаково жестоко-

сердечных, одинаково расположенных обратить ко злу. Человечество оказалось к этому готовым, поскольку значительная часть общества в какие-то моменты своего развития, как и отдельная личность в какой-то момент своего роста могут потерять убеждения в силе традиционных авторитетов, бывших до того основной и опорой их духовного существования, – и впасть в сомнения. Такой ситуацией и воспользовались носители зла, искусители рода человеческого и смогли восстановить ад, т.е. вновь победить в схватке не на жизнь, а на смерть за ум, сердце и душу каждого человека, и этими новыми грешниками до отказа заполнять восстановленный ими ад. Грехопадение людей, раскол в мире с большей интенсивностью отдаляло их от Бога, от истинного учения Иисуса Христа, от законов жизни, дарованных человечеству сыном Бога. И, как следствие, они забыли, как надо жить, они предали гармонию мира, гармонию любви, идею воссоединения всех со всеми посредством любви и прощения. И опять мир погрузился в хаос, и еще больше раскололся сверхличностным злом, злом всякого века, люди живут в постоянном грехопадении на радость «толпе дьяволов», их «отцу и повелителю» [тут и далее: 5, с. 392].

Не случайно авторское жанровое определение произведения – легенда (от латинского *legenda* – то, что должно быть прочитано или рекомендовано к прочтению) – один из эпических жанров фольклора. В легенде фантастическое лежит в основе повествования и определяет его структуру, систему образов и изобразительных средств через фантастическое к реальной жизни, к реальным конфликтам и проблемам людей – таков и путь осознания прочитанного. Фантастическое в текстовом пространстве легенды усиливает, ярче оттеняет звучание главной мысли автора, которое пронизывает всё повествование. Вслушаемся в диалог «толпы дьяволов» со своим «отцом и повелителем» Вельзевулом, их кумиром, в котором они сами развенчивают себя. Каждый из них позиционирует себя великим мастером лжи, знатоком человеческой психологии, умеющим ловко возбуждать в людях пользуясь их человеческими страстями, нравственным несовершенством, корысть, задор, ненависть, месть, гордость, разжигая похоть, заражая суевериями. Вельзевул в своё время каждому из своих детищ определил его задачи, обучил навыкам организации различных преступлений для развращения, оболванивания людей. Им же была для них определена конечная цель их действий – победить в войне за сердце и душу каждого человека, максимально отдалив от Бога, наполнив его разум и сердце искаженным учением Иисуса Христа, наполнив их душу откровенной безнравственной, преступной ложью, соблазнами, тем самым сделав их своими союзниками, управляемыми марионетками, рабами. Разделение труда у детей Вельзевула было четко, профессионально организовано, продумано, архитектурно восстановлению ада на Земле в отсутствии Вельзевула впечатляющая.

После возвращения своего предводителя дьяволы потребовали награды за восстановление ада, перечисляя свои заслуги. Стилистически «отчеты» темных сил балансируют между публицистическим с элементами научного (прежде всего его точностью и кон-

кретностью) и художественным стилем: дьявол книгопечатания стремится как можно большему числу людей сообщить все те гадости и глупости, которые делаются и пишутся на свете, дьявол воспитания объяснил, что он внушает людям, что они могут, живя дурно и даже не зная того, в чем состоит хорошая жизнь, учить детей хорошей жизни. Дьявол одурманивания сообщил, как вместо того, чтобы избавиться от страданий, производимых дурной жизнью, стараясь жить лучше, людям лучше забыться под влиянием одурения вином, табаком, опиумом, морфином. Самый ужасающий «красный кровавого цвета дьявол» [5, с. 399] изложил программу милитаризации: «...мы внушаем каждому народу, что он, этот народ, есть самый лучший из всех на свете. Deutschland ueber alles ("Германия – выше всех"), Франция, Англия, Россия выше всех, и что этому народу (имярек) надо властвовать над всеми другими народами. А так как всем народам мы внушаем то же самое, то они, постоянно чувствуя себя в опасности от своих соседей, всегда готовятся к защите и озлобляются друг на друга. А чем больше готовится к защите одна сторона и озлобляется за это на своих соседей, тем больше готовится к защите все остальные и озлобляются друг на друга. Так что теперь все люди, принявшие учения того, кто назвал нас убийцами, все постоянно и преимущественно заняты приготовлениями к убийству и самыми убийствами» [5, с.401]. Дьявол искусства объяснил, что под видом утешения и возбуждения возвышенных чувств в людях, потворствуют их порокам, изображая их в привлекательном виде. Но особой благодарности от Вельзевула удостоились «дьявол в пелеринке» [тут и далее: 4, с.391], он же изобретатель церкви, а также «дьявол в мантии» [тут и далее: 5, с. 398] – изобретатель науки. Они объяснили, как восстанавливали ад посредством лжи, искажая учение Иисуса Христа, подтасовывая научные факты, подключая государственный аппарат в грабежи, в то, что мы называем сейчас коррупцией. С гордостью они констатировали факт порабощения сознания людей. Манипуляторы человеческим сознанием победно доложили: «В наше время грабежи безнаказанные, открытые и вообще готовность к грабежу установилась между людьми такая, что главная цель в жизни почти всех людей есть грабеж, умеряемый только борьбой грабителей между собой» [5, с. 399].

Исполненные гордостью, возбужденные своими победами над умами, сердцами и душами людей, которые стали вновь совершать под их соблазнительным влиянием безнравственные злые деяния вплоть до убийства на войне и без войны; эти гнусные, изощренные во зле и безнравственности чудовища, не стовариваясь, влекомые радостным чувством удовлетворения от осознания своих победных реляций, соединились вокруг своего отца и повелителя, вдохновились их успехов в хоровод. Этот танец «сцепившихся дьяволов» [тут и далее: 5, с. 406] – одна из ярчайших сцен в текстовом пространстве легенды, и эти «сцепившиеся дьяволы» запомнятся рецепиенту не однородной массой, скопищем злодеев, а каждый – конкретной индивидуальностью, талантливо изображенной автором, как торжество безбожия, убийств, грабежа, лжи и других преступлений. Никто из читателей

не забудет, как «хохоча, визжа, свистя и порская, махая и трепля хвостами, устроили эти развратители мира и человечества вакханалию и оргию под стоны, крики, скрежет зубов, плач грешников» [5, с. 406] (т.е. соблазненных ими людей, мучающихся в восстановленном их усилиями аду). Художественный прием, который создает звуковой фон всей сцены, напрямую связан с идейной позицией автора, при описании дьявольского хоровода вокруг Вельзевула Толстой нагнетает градацию деэпричастий, обозначающих неприятные, негативно стилистически окрашенные звуки: хохоча (громко смеясь); визжа (издавая высокие и резкие звуки, крича); свистя (издавая резкий и высокий звук); порская (понуждая на нападение (на зверя)). Итак, перед нами талантливая задумка автора: экономными, но тщательно обдумантыми языковыми средствами создать художественный образ сверхличного зла, используя описание дьявольской пляски.

У вдумчивого читателя в воображении, безусловно, возникнет картина расколотого мира, в котором отсутствует гармония, царит хаос, отсюда антитетичность в легенде: противопоставляются толпа дьяволов – люди, Вельзевул – Иисус Христос, ложные учения – истинное учение Иисуса Христа, хаос – гармония, мрак – свет, ад – рай, ложь – правда, смерть – жизнь, грехопадение – жизнь по-Божьи, всяческие многочисленные преступления – духовные ценности. Способы моделирования этого противопоставления – в создании чувственной предметности, зримости повествования: детализация, индивидуализация (портретов, фигур, одеяния) и особый звуковой фон повествования (крики, стоны, скрежет зубов мучающихся грешников в аду). Особое место в художественной предметности текста занимают образы злых духов, талантливо индивидуализированных посредством деталей портретных зарисовок, зримо воссозданы изображения «дьявола в пелеринке» [5, с. 398], «дьявола в мантии» [5, с. 398], «бурого женоподобного с обрюзгшим лицом и слюнявым, не переставая жуящим ртом» [5, с. 396], «крупного дьявола с большими кривыми рогами, загнутыми кверху и огромными, криво приставленными лапами» [5, с. 398] и т.д. Нанизывание эпитетов сочетается с пунктирно прописанными мимикой и жестами, тем самым полнота зарисовки достигается максимально: «Один из дьяволов, в накинутой на плече пелеринке, весь голый и глянцево-чёрный, с круглым безбородым, безусым лицом и огромным отвисшим животом, сидел на корточках перед самым лицом Вельзевула и, то закатывая, то опять выкатывая свои огненные глаза, не переставая улыбаться, равномерно из стороны в сторону помахивая длинным, тонким хвостом» [5, с. 391]. Подобная визуализация персонажей только на первый взгляд не имеет отношения к характеру их мировоззрения, к их преступным деяниям. В обозначенном выше аспекте художественно-образительного мастерства Толстого заложен прогностически-мировоззренческий смысл. Внешне чудовищный облик каждой персоналии из толпы дьяволов создает негативное первичное восприятие каждого из них, а это визуальное отвращение к ним укрепит дальнейшее, уже объективизированное повествование о безнравственной деятельности верных сынов Вельзевула.

Пассионарное видение автором проблемы позволяет мотивировать акцентуацию жизни без зла, все остальное литературное пространство отдано «толпе дьяволов» и их «отцу и воспитателю» Вельзевулу. Толстой дал объективный срез и очертил перспективы развития цивилизации, когда грех не потерял своей привлекательности, безбожие и, в частности, насильственное обезбоживание происходит успешнее, чем распространение истинного учения Иисуса Христа.

Писатель, мыслитель, проповедник Л. Н. Толстой не даёт развязки этого конфликта, авторская позиция так сильна в повествовании, так убедительна, потому что композиция легенды подчеркивает её. В текстовом пространстве картины диалога «толпы дьяволов» с Вельзевулом и ритуального танца «сцепившихся дьяволов» контрастируют с картиной счастливой жизни людей, живущих по-божьи, – не только благодаря моральным акцентам, но и архитектурно, обрамляя текст. У читателя легенды, однако, не создаётся ощущения катастрофы, ожидающей человечество в целом и каждого человека в отдельности, хотя легенда заканчивается картиной вакханалии, оргии, хоровода толпы дьяволов, уверовавших в свою победу над добром, восстановивших своими гнусными усилиями ад на Земле. Тот сильнейший гармоничный аккорд, данный автором в начале легенды при описании счастливой хорошей жизни людей, исполняющих учения данное сыном Бога, звучит так мощно, так оптимистично, так воодушевляюще, что заглушает,

уничтожает своей гармонией тот мировой хаос сеятелей зла, который еще очень живуч и полномерно масштабен. Положительный герой – Иисус Христос, противостоящий Вельзевулу и его слугам всей своей сутью, всей своей гуманистической устремленностью высоко нравственной личности, своим учением, логично становится сквозным образом, озаряя мир светом любви, добра, близостью к Богу, и как следствие, мрачные, преступные силы зла меркнут перед ним, ведь они преследуют кощунственные, безнравственные цели – разъединение людей на основе активизации несовершенства и слабости человеческой природы.

Выводы. В легенде «Разрушение ада и восстановление его Л.Н.Толстой, обращаясь к художественно-философскому повествованию, предвещает грядущие общественные катаклизмы. Поэтические средства, способствующие достижению моралистически-прогностического эффекта, пронизывают всю структуру произведения: от жанровых закономерностей до микродеталей, от нарратива до композиции, – все создает уникальную литературную систему предвестия губительности античеловеческих мировоззренческих и социальных процессов. Реализация идейно-тематического аспекта через объективизацию авторской позиции и сочетание художественной речи и эмоционально-публицистического стиля позволяют говорить о художественном своеобразии позднего творчества писателя и его мессианистическом понимании творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ланин Б. А. Антиутопия в литературе русского зарубежья // http://netrover.narod.ru/lit3wave/1_5.htm [В Интернете]/.
2. Лем С. Сумма технологий / [Монография]. – Москва: Акт, 2004. – 668 с.
3. Тарасов А. Б. «Две правды Л.Н.Толстого» // <http://www.portal-slovo.ru/philology/37099.php> ELEMENT_ID=37099& SHOWALL_1=1 [В Интернете]/.
4. Толстой Л. Н. Одумайтесь! / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т., Т. 36 Произведения 1904-1906. - Москва; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1936. – С. 100–148.
5. Толстой Л.Н. Разрушение ада и восстановление его // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. Москва: Художественная литература, 1982. Т. 12. – С. 390–406.
6. Филатов В. И. Антиутопия XX века как метод предвидения будущего. Журнал // Вестник Омского университета – 2014 г. – С. 84-86.
7. Чаликова В. А. Утопия и свобода: Эссе разных лет. – Москва: Весть. – 184 с.

REFERENCES (TRANSLATED AND TRANSLITERATED)

1. Lanin B. A. Antiutopiya v literature russkogozarubezhya [Anti-Utopia in the Literature of Russian Diaspora] // http://netrover.narod.ru/lit3wave/1_5.htm [On the Internet]/.
2. Lem S. Summa tekhnologii [The Sum of Technology] / [Monograph]. – Moscow: Act, 2004. –668 p.
3. Tarasov A. B. Dviepravdy L.N. Tolstogo [Two Truths of L.N. Tolstoy] // <http://www.portalslovo.ru/philology/37099.php> ELEMENT_ID=37099& SHOWALL_1=1 [On the Internet]/.
4. Tolstoy L. N. Odumaytes'! [Rethink!] / L. N. Tolstoy // Complete set of works. In 22 v., V. 12 Works of 1904 – 1906.–Moscow; L.: State publishing house of fiction, 1936. – P. 100 – 148.
5. Tolstoy L. N. Razrusheniyeadaivosstanovleniyeyego [Destruction of Hell and Its Restoration] // L. N. Tolstoy // Complete set of works. In 22 v., V. 12 Works of 1904 – 1906. – Moscow: Fiction, 1982. – P. 390–406.
6. Filatov V. I. Antiutopiya 20 vekakametodpredvideniya budushchego [Anti-utopia of the 20th Century as a Method of Foreseeing the Future]. Journal // The Bulletin of the Omsk University – 2014 – P. 84–86.

Artistic parameters of socio-political and religious-moral foresight in the legend “Destruction of Hell and Restoration of It” by L. N. Tolstoy

I. Y. Tishchenko

Abstract. The article explores the range of artistic means that contributed to the realization of the predictive function of literature in L. N. Tolstoy’s legend “Destruction of Hell and Restoration of It”. Aesthetically determined features of the genre, composition, style, system of images, narrative are revealed. A special place in the structure of the text is occupied by the images of “Beelzebul’s children”, which are clearly individualized through capacious subject details. Thanks to the application of receptive poetics, it was revealed which exactly ideological and political threats the writer most accurately predicted, that allows us to state the relevance of this poorly studied work and its originality, revealed at all levels of the text in economical but emotionally saturated use of techniques and means of artistic writing.

Keywords: foresight, legend, narrative, antithesis, system of images, fantastic, conflict, artistic detail.